

№ 2

Журнал

Год изд. XX

НЕВРОПАТОЛОГИИ и ПСИХИАТРИИ

ИМЕНИ

С. С. Корсакова

С ОТДЕЛАМИ:

1. Общая неврология; 2. Клиника нервных болезней; 3. Клиника душевных болезней; 4. Медицинская психология; 5. Детская невро- и психопатология; 6. Дефектология; 7. Судебная психиатрия; 8. Психотерапия; 9. Общественная невропатология и психиатрия; 10. Диспансеризация и профилактика

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ РЕДАКЦИОННОМ УЧАСТИИ

ОБЩЕСТВА НЕВРОПАТОЛОГОВ и ПСИХИАТРОВ

при I МГУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Брусиловского Л. Я., Ганнушкина П. Б., Гейера Т. А., Гиляровского В. А., Громбаха В. А., Давиденкова С. Н., Каннабиха Ю. В., Кожевникова А. М., Маргулиса М. С., Прозорова Л. А., Розенштейна Л. М., Россолимо Г. И., Сеппа Е. К. и Хорошко В. К.

Ответственные редакторы: по невропатологии—Г. И. Россолимо, по психиатрии—П. Б. Ганнушкин. Ответств. секретарь Л. Я. Брусиловский

Главное Управление Научными Учреждениями (ГЛАВНАУКА)

Государственное Издательство (ГОСИЗДАТ)

1927

Стеллунд

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
ПУТЬ ПРОСВЕЩЕНИЯ

№ 15

Проф. В. Протопопов

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ РЕФЛЕКСОЛОГИИ

Об'ективный метод изучения поведения человека
и высших животных

ХАРЬКОВ—1924

Объективный метод изучения поведения человека и высших животных.

(Введение в изучение рефлексологии).

В настоящей статье мы хотим ознакомить широкие круги педагогов с теми достижениями, которые добыты современной научной мыслью в одном из капитальнейших вопросов, имеющем ближайшее отношение к педагогике.

Мы собираемся здесь дать в свете современной науки основные сведения о человеке, о том, как строится его личность, как формируется его поведение и какими путями изучать наиболее точно и продуктивно законы человеческой деятельности, особенно той, которой присуще наименование психической деятельности, потому что то, что можно назвать поведением, особенно характеризуется деятельностью последнего рода.

Нужно ли для решения этих вопросов стараться проникнуть во внутренний мир человека, в круг его психических переживаний, или же все изучение человеческого поведения должно быть построено на самом поведении, на объективно наблюдаемых его проявлениях. Может быть, для установления законов деятельности человека и нет вовсе надобности проникать в его внутренние субъективные психические переживания, и изучение этих законов возможно и, даже лучше, построить на каких-либо других принципах.

Тот или иной взгляд на этот предмет не только определяет наше общее мировоззрение, но и служит направляющим моментом своего собственного поведения, а также обосновывает формы отношений и меры воздействия социального характера, из которых особенно важны педагогические и юридические. Не зная природы человека и основных законов его поведения, нельзя быть педагогом. Об этом писал еще в прошлом столетии Ушинский в своем знаменитом труде „Человек, как предмет воспитания“, доказывая, что только тогда педагогика будет успешной, когда человек будет изучен всесторонне при том не „в мечтательных, а в действительных явлениях“. И соответственно научным воз-

В. БРАЙЛОВСКИЙ

У Ч Е Н И Е
ОБ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСАХ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РОСТОВ НА ДОНУ
1926

Учение об условных рефлексах и общественные дисциплины.

В. Браиловский.

Какое богатство материала, мыслей и иллюстраций к теории материалистического миропонимания находишь в интересных работах И. П. Павлова.

В. Невский.

„Учение об условных рефлексах целиком льет воду на мельницу материализма“, говорит Бухарин (7-а) в своем „ответе проф. Павлову“... „и исходные методологические пути и результаты исследований проф. Павлова есть орудие из железного инвентаря материалистической идеологии“.

В этой короткой выдержке хорошо охарактеризована вся ценность Павловского учения для материалистического мировоззрения. Я позволю себе провести аналогию между одним из основных догматов упомянутого миропонимания и одной основной формулой учения Павлова,—анalogию, доказывающую кардинальное сходство принципиального подхода того и другого к своей области. „Политика есть надстройка над экономикой“—гласит материализм. „Поведение организмов есть цепь условных рефлексов, воспитанных на безусловной базе“—говорит учение Павлова. Оба учения смотрят, следовательно, в один и тот же корень вещей, корень глубоко скрытый в почве основных жизненных процессов, основных жизненных потребностей. И если марксистско-материалистический анализ мог производить блестящие наблюдения с цифрами и формулами, доказывая незатейливое в своей общежитической органичности происхождение сложных социальных явлений, войн, „кровавых“ и „бескровных“ революций и различных „изящных“ политических актов, если он, проникая глубже в суть дела, заключающуюся обычно в потребности продать, достать, купить,—показывал обратную сторону белых перчаток дипломата и капиталиста, если, следовательно, этому анализу удалось многократно оправдать себя в порядке наблюдения, то как ему не хватало

О преподаваніи анатоміи и естественныхъ наукъ вообще.

Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ и въ особенности анатоміи человѣка, уже много разбирался въ литературѣ, но все же онъ, видимо, еще мало выясненъ. Требуется этотъ вопросъ болѣе обстоятельнаго выясненія еще потому, что преподаваніе естественныхъ наукъ, какъ извѣстно, вводится въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Методъ преподаванія естественныхъ наукъ до сихъ поръ былъ чисто описательный, какимъ онъ и долженъ быть вначалѣ, когда науки еще нѣтъ, при набраніи матеріала и вѣдшемъ знакомствѣ съ этимъ матеріаломъ. Однако же исключительное примѣненіе этого метода не даетъ еще никакихъ общихъ положеній или научныхъ выводовъ, не даетъ отвлеченнаго пониманія и поэтому не можетъ быть приложено къ выясненію какихъ либо жизненныхъ явленій. Примѣненіе однообразнаго метода изслѣдованія не даетъ возможности получить существенные научные выводы. Это видно даже при примѣненіи одного изъ характерныхъ методовъ естественно-историческаго изслѣдованія, изслѣдованія при посредствѣ *опыта*; это, понятно, является послѣдствіемъ того, что явленія, наблюдаемая при опытѣ, могутъ быть вполне объективно вѣрны, но объясненія ихъ субъективны и могутъ быть ошибочны. Такъ, напримѣръ, исключительное рѣшеніе вопросовъ физиологіи однимъ только опытнымъ путемъ послужило къ объясненію явленій „специфичностью“. Это происходитъ потому, что вопросы недостаточно разносторонне изучаются и не выясняются примѣненіемъ всѣхъ научныхъ способовъ, они недостаточно провѣряются, поэтому объясненія слишкомъ субъективны. Мнѣ приходилось уже говорить объ этомъ раньше ¹⁾ и только важность вопроса заставляеть меня возвратиться къ

¹⁾ P. Lesshaft. Der anatomische Unterricht der Gegenwart. Anatom. Anzeiger Bd. XII. 1896, № 17. Стр. 395—416.

К ПСИХОЛОГИИ МЕДИЦИНСКИХ ОШИБОК ¹

(По судебным материалам).

А. Е. Брусиловский и А. М. Левин (Москва)

Диалектический подход к изучению человеческого поведения в его целостности и динамике требует тесного содружества в работе со стороны психологов, педологов, психиатров, социологов, врачей и, наконец, юристов.

Пути научной мысли представителей различных отраслей знания все время скрещиваются и в результате возникают новые дисциплины, новые области исследования. К их числу относятся те проблемы судебной психологии, одной из которых будет посвящен настоящий очерк.

Не об юридической ответственности медицинского персонала за те или другие ошибки будет у нас идти речь в дальнейшем. Понятие юридической ответственности шире понятия медицинской ошибки, потому что охватывает целый ряд сторон медицинской деятельности, не имеющих отношения к ошибочным действиям. С другой стороны, если медицинская ошибка не укладывается в рамки преступной неосторожности или небрежности, если она носит явные черты несчастной случайности, то такая ошибка вообще может выпасть из системы действий, влекущих за собою юридические последствия.

Именно эта последняя категория медицинских ошибок представляет для нас наибольший интерес, потому что устранение их возможно лишь при посредстве организационного и психотехнического вмешательства.

Вместе с тем грань, отделяющая несчастную случайность от пре-

¹ Настоящая работа в виде доклада была прочитана в заседании общества психоневрологов-материалистов. Пользуемся случаем, чтобы поблагодарить наших уважаемых оппонентов (особенно В. А. Артемова, А. С. Тагера и др.) за ценные указания, которые нам были сделаны и которыми мы воспользовались при переработке доклада.

ОТДЕЛ II.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСОЛОГИЯ.

(Из Младенческого Отделения Педологического Института — ныне Педологического Отделения Института по изучению мозга ¹⁾).

10. К обоснованию генетической рефлексологии.

В. М. Бехтерев и Н. М. Щелованов.

[Доклад пленарному заседанию Съезда по Психо-Неврологии в Ленинграде, 3-го января 1924 года (в сокращенном изложении)].

Попытка рефлексологического изучения развития младенца была сделана впервые акад. В. М. Бехтеревым в ряде работ, помещенных в «Вестнике Психологии», начиная с 1908 г. ²⁾. В 1922 г. в Петроградском Педологическом Институте был организован особый отдел рефлексологии, в котором под руководством В. М. Бехтерева и заведующего отделом Н. Щелованова рядом сотрудников (д-р М. П. Денисова, Н. Л. Фигурин, д-р А. М. Лукина, д-р В. Н. Доброхотова, д-р З. Ф. Хлестова) методом непрерывного систематического наблюдения с регистрацией всех реакций ребенка, возникающих под влиянием внешних и внутренних возбудителей, а также путем применения рефлексологического эксперимента и других методов, ведется систематическая работа, в результате которой получен уже чрезвычайно значи-

¹⁾ Четыре статьи, вошедшие в отдел генетической рефлексологии, написаны авторами для настоящего сборника «Новые достижения в рефлексологии и физиологии» и сданы в его редакцию в феврале 1924 года. Позднее Педологическим И-том было приступлено к изданию его трудов в виде сборника «Методы объективного изучения ребенка», в который эти статьи также были включены в виду того, что они являются результатом работы одного из Отделов Педологического И-та [в июле 1924 года этот отдел был присоединен к Институту по изучению мозга в форме Педологического (Младенческого) Отделения последнего института].

²⁾ Перечисление этих работ можно найти в конце книги В. М. Бехтерева, — «Общие основания рефлексологии», 2-е издание, 1923 г. Кроме того, в первый период развития Педол. И-та работали в той же области под руководством В. Бехтерева: К. П. Лившиц, позже Веселовская, д-р Болдырева и нек. др.

Дарвин - Маркс

Письмо Чарльза Дарвина Карлу Марксу.

Публикуемое впервые письмо Чарльза Дарвина Карлу Марксу представляет громадный исторический интерес. Оно является ответом Дарвина на просьбу Маркса просмотреть в корректурах английского издания «Капитала» те места (главы XII и XIII), где Маркс ссылается на эволюционное учение. Дарвин еще раньше — в письме от 1 октября 1873 г. — выражая Марксу благодарность за экземпляр французского перевода «Капитала», подчеркнул, что считает себя мало достойным этого подарка, так как не знаком с политэкономией. Теперь же он отказывается от чести посвящения ему соответствующих глав, боясь, чтобы не заподозрили его, что он в какой-нибудь степени одобряет это поносимое буржуазией сочинение.

Однако письмо Дарвина имеет не только историческое, но и актуально-политическое значение. Оно дает революционному мировоззрению пролетариата лишний раз документальное подтверждение положения, что прославленная буржуазией «свобода науки» является фикцией. Оно ясно показывает, как идеология господствующего класса давит на научное творчество, как сильна боязнь ученых войти в конфликт с «общественным мнением» буржуазии, что даже такие гиганты мысли, как Дарвин, боятся вскрыть свои истинные атеистические убеждения и предпочитают прикрываться агностицизмом.

ИНСТИТУТ МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА.

ЧАРЛЬЗ ДАРВИН — КАРЛУ МАРКСУ.

13 октября 1880 г.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ,

Я вам очень благодарен за ваше любезное письмо и приложение к нему. Для опубликования в какой бы то ни было форме ваших замечаний на мои книги вовсе не требуется моего согласия, и было бы смешно с моей стороны давать свое согласие на дело, для которого оно не требуется. Я предпочел бы, чтобы отдел или том вашего сочинения не был посвящен мне (хотя я благодарю вас за честь, которую вы хотели мне оказать), потому что это до известной степени означало бы, что я одобряю все сочинение, о котором я, однако, ничего не знаю. Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно, все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мысли приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда

THE JOURNAL OF PHYSIOLOGY OF USSR

ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
СССР

ИМЕНИ И. М. СЕЧЕНОВА

Том XXXIII

Академия Наук СССР
Библиотека
Отделения биологических наук

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

И 50р
II 249

Гуляков Василий
Сергей Васильевич
Кривошеин
271-481 Т. Тенюри

ИЗУЧЕНИЕ СУБСЕНСОРНЫХ РЕАКЦИЙ ПРИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ЧУВСТВ

Г. В. Гершуни

Физиологический институт им. акад. И. П. Павлова Академии Наук СССР

Хотя ощущение, возникающее при действии внешних раздражений на органы чувств, представляет собою психическое явление, для всякого естественно-научно-мыслящего человека ясно, что оно определяется течением материальных процессов, протекающих в центральной нервной системе. Русская физиология в лице Сеченова и Павлова с достаточной степенью ясности поддерживала этот основной тезис материализма.

В основе ощущений, точно так же как и в основе других сложных форм функциональных проявлений организма, должна лежать очень высокая степень организации деятельности центральной нервной системы. Распространения нервных импульсов с периферии при действии внешнего раздражения и достижения ими высших отделов центральной нервной системы еще недостаточно для возникновения ощущения; нужна определенная степень организации деятельности этих отделов мозга, для того чтобы физиологический процесс приобрел черты необходимые для рождения сенсорной реакции.

Естественно, что физиологические механизмы, непосредственно ведущие к возникновению ощущений, наслаиваются на более элементарные механизмы нервных интеграций. Точно так же как осуществление условно-рефлекторной деятельности невозможно без наличия сложных безусловных реакций, возникновение ощущений невозможно без существования определенных, более элементарных реакций высших отделов центральной нервной системы, течение которых само по себе не сопровождается возникновением ощущений. Действительно, ощущение возникает через многие десятки миллисекунд (от 20—30 до 200) после начала действия раздражителя. (Данные о времени развития ощущений см. Vogelsang, 1928; специально для слуховых ощущений — Монжé, 1926; для зрительных — Лебединский, 1935). Между тем известно на основании опытов на животных (включая обезьян), что нервные импульсы приходят к проекционным областям коры не более чем через 5—15 мск (обзор этих данных для слуховых отделов коры — Гершуни, 1940; для зрительных — Bartley, 1941; Marshall, Talbot и Ades, 1943; для корковой проекции кожных рецепторов — Marshall, Woolsey и Bard, 1941; о происхождении так называемой первичной корковой волны (первичного ответа проекционных зон, см. Adrian, 1941). Что происходит в течение тех десятков миллисекунд, которые протекают от времени прихода импульсов к коре до момента возникновения ощущения? Очевидно в это время имеют место многообразные процессы в коре и подкорке, на которых базируются механизмы ощущений, но которые сами по себе еще протекают вне сферы сознания.

1559
11 210

Доклады Академии Наук СССР

ДОКЛАДЫ

АКАДЕМИИ НАУК СССР

ГЕРИТУАИ И И. КОРОТКИИ
О СУБСЕНЗОРНЫХ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСАХ НА ЗВУКОВЫЕ
НОВАЯ СЕРИЯ

(Представлено кандидатом Л. А. Орбелю 13 II 1947)

1947

При систематическом изучении нервной системы человека вегетативных рефлексов, электрической деятельности мозга), воспринимающих в ответ на внешние раздражения, лежащие ниже порога ощущения (эти реакции были названы Геритуаи субсензорными (1)), естественно возник вопрос об условно-рефлекторных ответах. Опыты с двигательной методикой по Иванову-Смоленскому (произвольное движение руки), поставленные на больных с резкими движениями кожей и слуховой чувствительностью, у которых наблюдались отчетливые субсензорные ОТТИСК на т. LVII, № 4 привели к заключению, что условно-рефлекторные реакции могут наблюдаться лишь при раздражениях, лежащих выше порога ощущения (2).

Принимая, однако, во внимание важность вопроса о возможности или невозможности возникновения условно-рефлекторных реакций на внешние раздражения, лежащие ниже порога ощущений, мы предприняли настоящее исследование на лицах с нормальными порогами ощущений и с применением вегетативной рефлекторной реакции, исключающей возможность произвольного влияния на нее.

Основной вопрос, который стоял перед нами, заключался, таким образом, в следующем: возможно ли осуществление условно-рефлекторной реакции тогда, когда условный сигнал лежит ниже порога ощущения и наличие раздражения не осознается человеком.

Методика. Рефлексом, служившим для изучения условно-рефлекторных реакций, был избран кожно-гальванический рефлекс (к. г. р.). Рефлекс вызывался электрическим раздражением кожи. В качестве условных сигналов применялись звуковые раздражения, лежащие выше и ниже порога слышимости.

Для обнаружения к. г. р. применялись неполяризующиеся цинковые электроды, фиксируемые на коже тыльной и дорсальной поверхности кисти правой руки. Регистрация возникающих потенциалов производилась при помощи зеркального гальванометра, визуальное по движению светового луча по шкале; компенсация и измерение возникающих изменений производилась при помощи потенциометра завода "Сталко". Электрическое раздражение кожи производилось при подаче переменного (городского) напряжения к четвертому и пятому пальцам левой руки. В качестве электродов служили серебряные пластинки, обитые маршей и смоченные физиологическим раствором; электроды плотно фиксировались к тыльной поверхности ногтевых фаланг; измерение подаваемого напряжения производилось при помощи вольтметра переменного тока (ламповая схема с выходным сопротивлением 0,5 МΩ). Величина подаваемого напряжения регулировалась потенциометрически.

ИБФР
II 210

с Гербели
Г. Гершуни

ФИЗИОЛОГИЯ

Г. В. ГЕРШУНИ и И. И. КОРОТКИН

О СУБСЕНЗОРНЫХ УСЛОВНЫХ РЕФЛЕКСАХ НА ЗВУКОВЫЕ
РАЗДРАЖЕНИЯ

(Представлено академиком Л. А. Орбели 13 II 1947)

При систематическом изучении реакций нервной системы человека (вегетативных рефлексов, изменений электрической деятельности мозга), возникающих в ответ на внешние раздражения, лежащие ниже порога ощущения (эти реакции были названы Гершуни субсензорными⁽¹⁾), естественно возник вопрос об условно-рефлекторных ответах. Опыты с двигательной методикой по Иванову-Смоленскому (произвольное движение руки), поставленные на больных с резкими понижениями кожной и слуховой чувствительностей, у которых наблюдались отчетливые субсензорные вегетативные рефлексy, привели к заключению, что условно-рефлекторные реакции могут наблюдаться лишь при раздражениях, лежащих выше порога ощущения⁽²⁾.

Принимая, однако, во внимание важность вопроса о возможности или невозможности возникновения условно-рефлекторных реакций на внешние раздражения, лежащие ниже порога ощущений, мы предприняли настоящее исследование на лицах с нормальными порогами ощущений и с применением вегетативной рефлекторной реакции, исключающей возможность произвольного влияния на нее.

Основной вопрос, который стоял перед нами, заключался, таким образом, в следующем: возможно ли осуществление условно-рефлекторной реакции тогда, когда условный сигнал лежит ниже порога ощущения и наличие раздражения не осознается человеком.

Методика. Рефлексом, служившим для изучения условно-рефлекторных реакций, был избран кожно-гальванический рефлекс (к. г. р.). Рефлекс вызывался электрическим раздражением кожи. В качестве условных сигналов применялись звуковые раздражения, лежащие выше и ниже порога слышимости.

Для обнаружения к. г. р. применялись неполяризующиеся цинковые электроды, фиксируемые на коже тыльной и ладонной поверхностей кисти правой руки. Регистрация возникающих потенциалов производилась при помощи зеркального гальванометра, визуальное по движению светового луча по шкале; компенсация и измерение возникающих напряжений производилась при помощи потенциометра завода „Эталон“. Электрическое раздражение кожи производилось при подведении переменного (городского) напряжения к четвертому и пятому пальцам левой руки. В качестве электродов служили серебряные пластинки, обшитые марлей и смоченные физиологическим раствором; электроды плотно фиксировались к тыльной поверхности ногтевых фаланг; измерение подаваемого напряжения производилось при помощи вольтметра переменного тока (ламповая схема с входным сопротивлением 0,5MΩ). Величина подаваемого напряжения регулировалась потенциометрически.

К ВОПРОСУ О ВЫРАБОТКЕ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ

Д. О. ОГАНЕСЯН

(Психологическая лаборатория при педагогическом институте
им. Х. Абовяна, Ереван)

Измерительные навыки имеют политехническое значение, применение их многообразно. Некоторые особенности психики человека, особенно формирование пространственных представлений, тесно связаны с развитием измерительных навыков. Не будет ошибкой сказать, что измерение является одним из необходимых условий формирования таких представлений. Развитие навыков измерения (в широком смысле) способствует также воспитанию таких черт характера, как требовательность к себе, ответственное отношение к работе и т. п. Обучение правильному измерению имеет важное значение для развития общих умственных и специальных способностей учащихся.

Наши наблюдения показывают, что измерительные навыки у рабочих на производстве далеко не всегда удовлетворительны, и это снижает качество продукции, приводит к трате времени на исправление ошибок, на переделку. Потери времени на выполнение контрольных операций (куда входит и измерение) нередко очень велики, что также снижает производительность. Это говорит о том, что во всех случаях — будь то техническое, ремесленное училище или общеобразовательная политехническая школа с производственным уклоном — обучению измерительным навыкам необходимо уделять большое внимание.

Вопросы формирования измерительных навыков мало изучены в психологии. В нашем исследовании сделана попытка выяснить, насколько точно и быстро выполняют ученики измерения, какие ошибки допускают при измерениях и по какой причине, а также каковы те условия, при которых успешно приобретаются навыки измерения.

*

Для изучения поставленных вопросов мы избрали процесс измерения штангенциркулем с точностью до 0,1 мм. Мы исходили из того, что этот универсальный инструмент имеет широкое применение в металлообрабатывающем производстве, а структура его по сравнению с инструментами подобного рода простая и вместе с тем имеет с ними много общего по принципу измерения. Мы выбрали этот инструмент еще и потому, что в процессе изготовления деталей учащиеся в большинстве случаев пользуются им.

Исследование проводилось в VIII, IX и X классах двух ереванских школ с производственным обучением. Для сравнения те же задания давались и учащимся ремесленного училища (РУ) первого и второго года обучения, а также их мастерам.

Нами применялись следующие методы: объективная запись и хронометраж, сравнительный анализ результатов, индивидуальные и фронтальные лабораторные эксперименты, индивидуальная беседа по заранее подготовленным вопросам. Мы пользова-

Н. Г. АДАМШВИЛИ

ЦВЕТ, КАК ФАКТОР ИЛЛЮЗИИ ФИКСИРОВАННОЙ УСТАНОВКИ

В предлагаемой статье излагаются результаты экспериментального исследования действия одного из значительных факторов проявления установки — соотношения цвета материала, образующего установку, с цветом материала актуализирующего ее.

Действие фиксированной на неравенство объектов установки обычно изучалось в условиях наличия тождественности цвета членов отношения неравенства и равенства. Мы начали изменять цвет релатов и их фонов с определенной закономерностью и получили такое же закономерное изменение в проявлениях фиксированной установки.

Изменение цвета производилось с учетом взаимоотношений цветов, установленных психофизиологией цветовых ощущений, а именно, во внимание был принят факт наличия между цветами некоторой родственности, с одной стороны, и определенного антагонизма, с другой.

Согласно этому факту каждый из основных четырех цветов (красный, желтый, зеленый, синий) имеет антагонистическое отношение с одним из основных цветов (с дополнительным для него цветом), в отличие от остальных двух, в отношении которых он не является антагонистичным.

Целый ряд проявлений взаимоотношения цветов (смещение цветов, одновременный контраст, последовательный контраст) указывают на то, что воздействие, производимое на зрительный рецептор каждым цветом, подготавливает почву для возникновения в данном рецепторе такого процесса, который является условием переживания цвета фактически почти, теоретически же вполне, совпадающего с дополнительным ему цветом¹; с другой же стороны при одновременном воздействии на один и тот же рецептор двух дополнительных цветов получаем их взаимное подавление. Следовательно, противоположные цвета находятся друг с другом в отношении взаимоисключения и взаимообуславливания. Такого взаимоотношения не имеется между другими, не дополнительными цветами. Поэтому возникло предположение, что именно фактор взаимоотношения дополнительных цветов мог оказаться особенно значимым для проявления установки, фиксированной на неравенство.

Исследования проводились лишь основными цветами. Были взяты четыре цвета, так как даже современная теория трехкомпонентности цветовых ощущений принуждена считаться с существованием четвертого, желтого цвета, отличающегося от переходных цветов и находящегося в отношении антагонизма с синим².

¹ С. В. Кравков. Глаз и его работа, 1950.

² Там же.

Изъ психологической лабораторіи профессора В. М. Бехтерева.

Къ методикѣ экспериментально-психологическаго изслѣдованія акта вниманія, *gesp.* процесса сосредоточенія.

Д-ра А. В. Ильина.

Современная научная психіатрія имѣетъ стремленіе обосновать свои заключенія о тѣхъ или иныхъ болѣзненныхъ психическихъ процессахъ не только на изученіи данныхъ клиническаго наблюденія, патолого-анатомическихъ изслѣдованійхъ, но и путемъ психологическаго опыта. Этимъ искусственно созданнымъ вліяніемъ возможно вызвать проявленіе психической дѣятельности въ желаемомъ для изслѣдователя направленіи, и по результатамъ его въ связи съ остальными сопутствующими физиологическими явленіями объяснить или дать оцѣнку болѣзненнаго психическаго состоянія.

Несомнѣнно, что это направленіе является какъ бы слѣдствіемъ того направленія въ психологіи, которое уже со времени Дондерса (1861), Экснера, затѣмъ Вундта, Фехнера и др. наблюдается въ этой области, когда оставленъ былъ путь метафизики и умознанія, и «наука о душѣ» постепенно сдѣлалась физиологической, опытной, изучающей вначалѣ лишь основныя, простѣйшіе психическіе процессы,—ощущеніе, воспріятіе—и затѣмъ сложныя—память, ассоціативная дѣятельность, воображеніе, мышленіе и др.

Извѣстное затрудненіе должно было встрѣтиться на пути опыта при изученіи болѣзненныхъ явленій, благодаря нерѣдко «недоступности, противодѣйствию, непониманію, которые обуславливаются самой душевной болѣзью». ¹⁾ Методика психологическаго изслѣдованія патологическихъ состояній психики еще далеко недостаточно разработана и основывается на сравненіи съ нормальнымъ проявленіемъ психической дѣятельности, такъ какъ точное измѣреніе при сложности явленій оказалось невозможнымъ. Здѣсь экспериментъ съ меньшей точностью можетъ считаться достаточнымъ, если онъ ближе стоитъ къ естественнымъ условіямъ («жизненной правдѣ»), такъ какъ чѣмъ сложнѣе извѣстное

¹⁾ Цигенъ. «Объ отношеніи психологіи къ психіатріи». Вступ. рѣчь. Вопросы Нервно-псих. Мед., 1902 г., вып. 2-й, стр. 143.

Объ условіяхъ развитія длинноголовыхъ и короткоголовыхъ череповъ.

Много говорили до сихъ поръ о круглоголовыхъ и длинноголовыхъ черепахъ, придавая большее культурное значеніе то одной формѣ, то другой и высказывая предположенія о первичной формѣ черепа. Авторы находили возможнымъ раздѣлить всѣ народы по формѣ ихъ черепа на отдѣльные разряды; такъ, на примѣръ, Велькеръ *) находить, что на всемъ земномъ шарѣ существуютъ:

Длинноголовыхъ	107	милліоновъ
Подходящихъ къ длинноголовымъ	165	»
Среднеголовыхъ	544	»
Подходящихъ къ круглоголовымъ	195	»
Круглоголовыхъ	15	»

Всего 1.026 милліоновъ.

Какое значеніе имѣютъ такія числовыя данныя, трудно понять; это совершенно произвольныя числа, которыя можно переставить какъ угодно, смыслъ будетъ все одинъ и тотъ же; въ таблицахъ Велькера мы находимъ результаты измѣреній длины, ширины и высоты 1.296 череповъ, и по этимъ измѣреніямъ опредѣляется 118 національностей.

Раздѣленіе череповъ на длинноголовыхъ и короткоголовыхъ или круглоголовыхъ было введено Ретціусомъ **) на основаніи осмотра черепа сверху по примѣру Blumenбаха, который сравнивалъ черепа, окидывая ихъ взоромъ сверху, при такъ называемой «Norma verticalis». Впослѣдствіи Брока ***)) и Велькеръ предложили отличать между этими двумя формами еще и среднюю, называя такіе черепа среднеголовыми (Mesocephalia). Если при осмотрѣ черепа сверху и измѣреніи длиннаго его размѣра послѣдній оказывается, на примѣръ, равнымъ 180 mm., а наибольшая ширина = 142 mm., то на основаніи пропорціи

*) Untersuchungen über Wachstum und Bau des menschlichen Schaedels. Leipzig 1862 и Arch. f. Anthropologie, H. I. 1866 г. стр. 135.

**) Ethnologische Schriften. Посмертное изданіе. Stockholm. 1864.

***)) Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris. 2-e. Fas. 1861.

Теорія формъ основы конечностей человѣка и животныхъ.

Теоретическое выясненіе значенія конечностей до сихъ поръ еще мало разработано; французскіе и англійскіе, а за ними и нѣмецкіе изслѣдователи много занимались сравненіемъ отдѣльныхъ частей переднихъ и заднихъ конечностей между собою, выясненіемъ ихъ соотвѣтствія, различныхъ видоизмѣненій ихъ формъ у различныхъ животныхъ и изысканіемъ переходныхъ формъ между высшими и низшими животными. При всѣхъ этихъ сравненіяхъ однакоже очень рѣдко изслѣдователи останавливались надъ вопросомъ о значеніи самихъ формъ, наблюдаемыхъ въ конечностяхъ животнаго міра, и объ условіяхъ развитія тѣхъ или другихъ формъ. Эти трудные вопросы закрывались обыкновенно словомъ «наслѣдственность», что значитъ: природою разъ сотворены формы, питаніемъ и ростомъ онѣ увеличиваются и дѣленіемъ размножаются. Хотя съ 1759 года и говорится объ эпигенезисѣ (Epigenesis), какъ о послѣдовательномъ развитіи формъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, но все же съ этимъ большинство изслѣдователей не можетъ справиться. Гипократовское мнѣніе, что зачатокъ образуется соединеніемъ мужского и женскаго сѣмени и что сходство произведеннаго существа съ производителемъ зависитъ отъ того, что сѣмя образуется изъ всѣхъ частей тѣла послѣдняго, составляя какъ бы вытяжку послѣдняго, удержалось до сихъ поръ. Во всѣхъ новѣйшихъ теоріяхъ наслѣдственности все то же самое говорятъ: пангенезисъ — Дарвина, зачаточная плазма (Keimplasma) — Вейсмана, «Stirp» Галтона, идио-плазма Негели, наслѣдственное вещество (Erbmasse) — Гертвига, теорія мозаики (Mosaiktheorie) Ру — все тѣ же вытяжки, вездѣ: передача формы, разъ сотворенной, а затѣмъ только питающейся, растущей и дѣленіемъ размножающейся. Съ передачей формъ всегда связана и передача от-правленій, передаются, слѣдовательно, способности, выраженные въ опредѣленномъ направленіи, даже врожденная преступность. Этимъ вопросомъ въ послѣднее время очень много занимались, литература настолько увеличилась, что требуется, на самомъ дѣлѣ, очень усиленной и про-

ФИЗИОЛОГИЯ

Е. Н. СОКОЛОВ

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
и Институт дефектологии АПН РСФСР)**РОЛЬ ЦЕНТРОВ В АДАПТАЦИИ ПЕРИФЕРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
ЗРИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗАТОРА***(представлено действительным членом АПН РСФСР А. Р. Лурия)*

Важным вопросом изучения механизмов световой и темновой адаптации является вопрос об участии в них центральных отделов нервной системы. Представители физико-химической теории адаптации рассматривают ее как периферический процесс распада и восстановления фотореагирующих веществ сетчатки. П. П. Лазарев (1950) и С. В. Кравков (1950) рассматривают адаптацию как равнодействующую двух процессов, происходящих в фоторецепторах сетчатки и в клетках мозгового конца зрительного анализатора. Состояние нервных центров, согласно этой теории, только суммируется с чувствительностью периферии, не влияя активно на процессы, происходящие в рецепторе. Данные морфологии указывают, однако, на наличие в составе зрительного нерва специальных нисходящих нервных волокон (Е. К. Сепп, 1949). Исходя из гистологических исследований, можно предположить, что акт адаптации регулируется рефлекторно. Работы А. О. Долина (1936) показали условнорефлекторное изменение кривой темновой адаптации, но вопрос о том, как далеко идет это рефлекторное влияние — охватывает ли оно приспособление фоторецепторов, или ограничивается нервными центрами, — требует дальнейших исследований.

Наши опыты были посвящены проверке гипотезы о рефлекторной регуляции процессов адаптации, протекающих в сетчатке.

Рефлекторные влияния на процесс адаптации определялись путем создания конфликтных отношений между раздражителем и предполагаемой центральной регуляцией периферической части зрительного анализатора при действии на каждый глаз раздражителями разной интенсивности.

Считается, что темновая адаптация одного глаза может происходить независимо от другого. Это используется как аргумент в пользу чисто периферической природы темновой адаптации. В своей работе мы изучали влияние темноадаптированного глаза на процесс адаптации в светлоадаптированном глазе. Для этого наблюдатель с постоянной точкой опоры головы помещался на расстоянии одного метра от экрана освещенностью в 90 лк на белом, закрывающего все поле зрения. На экране помещалась красная фиксационная точка; на 10° влево от нее падал свет

ОТДѢЛЪ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ

Подъ редакціей прив.-доц. А. Г. ГЕНКЕЛЯ (ботаника, общая біологія), проф. С. П. ГЛАЗЕНАПА (астрономія), прив.-доц. Н. КАБАНОВА (физиологія, физиологическая психологія), проф. Н. И. КАРАКАША (геологія, палеонтологія, минералогія), проф. А. А. КУЛЯБКО (физиологія, общая біологія), проф. В. К. ЛЕБЕДИНСКАГО (физико-математическія науки), проф. Н. А. ОРЛОВА (физико-математическія науки), проф. ИР. П. СКВОРЦОВА (гео-физика, физиологическая химія, метеорологія, климатологія и общая біологія).

На кнжк
Физиологія

Проф. А. А. КУЛЯБКО.

Оживленіе или переживаніе?

Жизнь и Смерть!.. Какое огромное, поразительное различіе между этими двумя состояніями организованныхъ существъ и какая незамѣтная, неуловимая грань отдѣляетъ ихъ порою другъ отъ друга! И хотя смерть является естественнымъ завершеніемъ жизни, роковымъ и неизбежнымъ удѣломъ всего живущаго — мы говоримъ здѣсь лишь о явленіяхъ матеріальной жизни, — но у всѣхъ живыхъ существъ мы замѣчаемъ явственно выраженное стремленіе къ сохраненію и продленію жизни, а у человѣка, какъ у наиболѣе сложнаго и совершеннаго изъ живыхъ существъ, это стремленіе обнаруживается съ наибольшей силою. И каждому изъ насъ, несомнѣнно, приходилось останавливаться мыслью передъ великою загадкой жизни и въ той или иной формѣ всѣмъ существомъ своимъ выражать непримиримый протестъ противъ неизбежности смерти и мечтать о продленіи жизни или даже о возможности искусственнымъ путемъ возобновить жизнь, вновь оживить умершее. И хотя подобная задача и до сихъ поръ еще является невыполнимой для современной медицины, но новѣйшія научныя изслѣдованія значительно подвинули насъ впередъ въ познаніи и пониманіи явленій жизни, и многое изъ того, что прежде представлялось совершенно невозможнымъ и невѣроятнымъ, оказалось вполне достижимымъ. Если не по отношенію къ цѣлому сложному организму высшихъ животныхъ, то, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ оживленію, т. е. восстановленію жизненныхъ проявленій отдѣльныхъ органовъ и тканей тѣла и къ искусственному поддержанію жизни ихъ неопредѣленно долгое время вопросъ можно считать въ настоящее время болѣе или менѣе рѣшеннымъ.

Извѣстно, что въ сложномъ организмѣ смерть не представляетъ какого-либо моментальнаго перехода отъ бытія къ небытію, и при умираніи одни изъ органовъ умираютъ раньше, другіе — позднѣе. Даже изолированные, отдѣленные отъ связи съ организмомъ органы сохраняютъ свои жизненныя свойства довольно долгое время. Въ особенности это наблюдается у низшихъ животныхъ. Такъ, оторванная лапка паука-сѣнокосяца совершаетъ ритмическія подергиванія (какъ бы „косить“, от-

Олео блановне

Никитинорова

с некривнег картон

19/45
/VII

P. Blum

Чл.-корр. АН СССР С. Л. РУБИНШТЕЙН
ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ В СВЕТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛИЗМА¹

(К философским основам психологии)

Исторический ход развития философско-психологической мысли поставил перед советской психологией задачи исключительного значения. Они неразрывно связаны с самыми основными проблемами философии. Основная проблема философии — проблема бытия и сознания — является вместе с тем, в виде психофизической проблемы, и центральной проблемой психологии. Она принимает здесь специфические формы, которые требуют специфических средств для ее разрешения. Но в этих специфических формах речь, по существу, идет о конкретном, включенном в практику научного исследования, а не о спекулятивном решении именно этой общей принципиальной философской проблемы.

Основной порок старой идеалистической психологии сознания, исходившей из идеалистической философии, заключался в том, что представители ее были — пользуясь красочным выражением И. М. Сеченова — «обособителями психического». Они выключали психику из связи реальной материальной действительности и превращали ее в обособленную сферу вместо того, чтобы трактовать ее как «психический элемент» единого процесса, начинающегося с воздействия действительности на человека и кончающегося поступком.

Это «обособление» психического имеет давнюю историю. Оно проходит через всю идеалистическую философию. Свое наиболее законченное философское оформление оно получило в концепции сознания, данной Декартом. Свое наиболее заостренное выражение — в противопоставлении сознания и поведения, внешнего и внутреннего бытия человека.

Выключение сознания из реального контекста жизни и деятельности человека из его реального бытия — его «обособление», говоря языком Сеченова, его «отчуждение», пользуясь термином, который употреблял Маркс, — нашло себе выражение в самом определении содержания сознания. В идеалистической трактовке сознания, выражающейся в этом обособлении его, особенно отчетливо выступают следующие черты:

1. Сознание обращается с мира на самого себя; оно превращается в интроспекцию; сознание переходит в самосознание. Обращение сознания на самого себя выступает при этом то в рационалистической форме, превращающей сознание, «дух» в «мысль мысли», то в опытной, эмпирической, в виде локковской рефлексии или самонаблюдения последующей психологии. Исторически эта интроспективная концепция сознания, подготовленная предшествующим развитием, оформляется у Декарта. Декарт прямо определяет *mens* как «все то, что происходит в нас так, что мы сами непосредственно это в себе воспринимаем»². Его концепция, преломляясь через эмпирическую интерпретацию Локка, определяет традиции последующей эмпирической психологии.

¹ Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 18 июня 1945 г., посвященном 220-летию Академии Наук.

² Principia, I, § 9.

Milisi Cuba Marokko
da abaya
9ix48

Получе
ство больн
жение, а в
лать такое
1. В пр
ствуют не
мозга — де
жению све
противопо

Е. Н. СЕМЕНОГСКАЯ

ИЗМЕНЕНИЯ В ЗРИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗАТОРЕ ПРИ ПРОИЗВОЛЬНОМ НАПРЯЖЕНИИ ВНИМАНИЯ

В настоящей работе мы поставили своей задачей изучить в качестве воздействующего на зрительный анализатор фактора волевое усилие, направленное на максимально точное определение светового порога, т. е. то, что принято называть зрительным вниманием.

Наблюдения, уже описанные нами в работе о роли внимания в изменении чувствительности глаза, сводятся к тому, что возбуждение при напряжении зрительного или слухового внимания или при запоминании слов, возникающее в корковых и, вероятно, подкорковых областях человеческого мозга, создает в зрительном приборе состояние повышенной возбудимости. Это выражается в повышении световой чувствительности сумеречного зрения, электрической чувствительности и других функций глаза, когда дело идет о так называемой норме, т. е. о людях здоровых, находящихся в состоянии относительного покоя.

Мы наблюдали, что повышение чувствительности не ограничивается только зрительной областью при напряжении зрительного внимания, но распространяется и на слуховую: повышается чувствительность слухового прибора совершенно так же, как при напряжении слухового внимания повышается световая чувствительность. Возбуждение, вызванное напряжением внимания, подчиняется тем же физиологическим закономерностям, которым подчиняется возбуждение, вызванное физическими воздействиями (см. наши работы в т. 4 «Проблем физиологической оптики» и в т. 8 «Известий» АПН).

Мы поставили своей задачей исследовать изменение световой чувствительности при напряжении зрительного внимания и запоминание слов у больных с черепно-мозговыми травмами. Мы исходили из тех соображений, что пораженный мозг, ввиду измененной возбудимости, может иначе реагировать на психическое усилие, чем нормальный. В качестве индикатора, как было сказано выше, мы изучали реакцию световой чувствительности глаза на волевое усилие. В следующей работе мы опишем и сопоставление этой реакции с изменениями электроэнцефалограммы (см. стр. 299).

Настоящая работа велась в Москве в Нейрохирургическом центре. Нами обследовано 22 больных с черепно-мозговыми ранениями, произведено 40 измерений световой чувствительности глаза в процессе темновой адаптации при напряжении внимания в момент определения светового порога или непосредственно вслед за воспроизведением запомнившихся слов, прочитанных экспериментатором. После этого делалось еще несколько измерений в спокойном состоянии, без всякого напряжения.

Все больные попадали к нам в стадии рубцевания тканей в месте ранения; обычно это были больные через несколько месяцев после ранения, уже поднявшиеся с постели, часто в дни, близкие к выписке из госпиталя.

12
14
13
18

Е × 100
600
500
400
300
200
100
0

Системная чувствительность
в относительных единицах

Рис. 1. На
Черными о
пряжений в

I и II—типич
Крестика
жирными кр

Двое (б
Кохера) и
с сохранн
при напр
2. С д
минания с

*Уважаемый Алексей
Иванович с любовью
от автора.
Д. М. Дубовис-Арановская*

29. III. 60г.

Д. М. ДУБОВИС-АРАНОВСКАЯ
(Харьковский университет им. А. М. Горького)

РАЗВИТИЕ ЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ ПУТЕМ ФОРМИРОВАНИЯ УМЕНИЯ СОСТАВЛЯТЬ ПЛАН ТЕКСТА

(представлено действительным членом АПН РСФСР А. Н. Леонтьевым)

Развитие логического, рассуждающего мышления, начинаясь уже в дошкольном возрасте [5], [7], [8], получает в условиях школьного обучения еще большие возможности. Абстрактно-логическое мышление школьника составляет необходимое условие усвоения теоретических знаний. В то же время это мышление само формируется и развивается в школьном обучении.

В ряде исследований (П. И. Зинченко [6], Л. В. Занков [4], А. А. Смирнов [9], М. Н. Шардаков [10] и др.) отмечалось значение умения составлять план прочитанного для умственного развития школьника, для развития его памяти, мышления и речи. Действительно, изучение процесса формирования этого умения показывает его связь с развитием мышления. Составляя план прочитанного, учащийся должен не только проанализировать структуру текстов различных типов, соответственно расчленив текст на части, обобщить существенные моменты текста, систематизировать и формулировать их в заголовках частей, но должен также научиться абстрагировать логическую структуру текста от его конкретного фактического содержания, уяснить себе отличие хода изложения от хода описанных реальных событий. Составляя план прочитанного, он должен выявить связи суждений автора. Очевидно, что все эти умственные действия составляют существенные моменты мышления вообще.

Задача учителя, формирующего у школьника умение составлять план текста, заключается в том, чтобы ученик овладел всеми этими умственными действиями и таким путем перешел на более высокую ступень абстрактно-логического и произвольного мышления, направленного на анализ самих мыслей, их связи и последовательности.

Как же формируется это умение в школе? Мы собрали до 500 планов (текстов повествовательного и описательного характера), составленных учащимися средней школы всех уровней успеваемости. Проанализировав планы повествовательного текста (взятого из сборника для изложения в V—VII классах), мы убедились, что только 37% учащихся дали правильные и полные планы; 31% учащихся дал неполные планы, не отразив в них основных и существенных моментов повествования, а 32% вместо плана дали более или менее подробный пересказ фактического материала.

ПРЕПОДАВАНИЕ ПСИХОЛОГИИ

№ 1117
А. НИКИФОРОВА

О РАЗВИТИИ ВООБРАЖЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ

С. Н. БОГОМОЛОВА, Л. И. ВАЙТКУНЕНЕ, А. А. КРАСНОСЕЛЬСКИХ,
О. И. НИКИФОРОВА

(МГУ, Москва)

Успешное расследование дел требует от следователя хорошо развитых разнообразных способностей, в частности особого вида воображения, необходимого ему для разработки версий, правильной оценки показаний допрашиваемых и других доказательств по делу. Во многих случаях успешная оценка показаний зависит от умения следователя ясно представить себе обстановку преступления, умения в своем воображении воссоздать то, о чем рассказывают допрашиваемые.

Следователь должен улавливать несоответствия пространственных и временных соотношений в описаниях свидетелей, обвиняемого и других допрашиваемых лиц.

Между тем существующая учебная подготовка юристов не обеспечивает в достаточной степени развития такого воображения у будущих следователей. В судебной практике имеются дела, расследование которых сначала было неверным. Так, например, по обвинению в убийстве Кокаева был арестован ни в чем неповинный его сосед. Если бы следователь представил себе несоответствие обстановки убийства (ночная темнота) с утверждением свидетельницы Кокаевой, что она опознала в убийце соседа, не пострадал бы невинный человек¹.

В деле об убийстве Одижной² ее сын — убийца заявил, что ночью бандиты проникли в комнату, размуровав окно кладовой; сам он, услышав шум, спрятался в простенок между сундуком и кроватью и, улучив минуту, выбежал на улицу; убийцы бросили ему вслед топор, который ударил его по ноге. Следователь поверил этому заявлению и повел следствие неправильно. Был обвинен и осужден некий Дехтерев, бывший сожитель Одижной, на которого указал ее сын. В данном случае следователь оказался на поводу у убийцы, так как не представил себе ясно, как бы отразились на месте происшествия те действия, о которых тот рассказывал. Если бы действительно Одижный прятался в узком (25 см) пространстве между сундуком и кроватью, пыль и паутина, обнаруженные при осмотре места преступления, были бы стерты. Если бы бандиты бросили в него топор, то на месте падения топора на земле осталась бы вмятина, которой при осмотре не оказалось.

Разработка методики развития воображения у следователя предполагает изучение условий развития воображения. Любой вид воображения — это оперирование представлениями на основе образного обобщения определенного рода представлений, обобщения самих операций воображения и обобщения взаимоотношения между этими представлениями и этими операциями. Специфичным для каждого вида воображения является задача, направляющая процесс воображения; характер представлений и, повидному, подбор и последовательность операций воображения.

Мы поставили перед собой задачу — изучить условия, содействующие развитию воображения у следователя, а также проследить, как оно формируется в экспериментальной обстановке.

Существует гипотеза, по которой возможность оперирования представлениями «в уме» обусловлена предварительной тренировкой в реальном оперировании с предметами. Известно, что у всех взрослых людей в той или иной мере развиты какие-нибудь виды воображения. Остается только неясным — необходимо ли для развития специфически нового вида воображения тренировать взрослых на оперирование сначала с реальными предметами или достаточно тренировать их на словесных упражнениях, требующих оперирования представлениями.

¹ Следственная практика, вып. № 17, М., 1954, стр. 162.

² Там же, стр. 208.

ЗНАЧЕНИЕ РЕЧИ ДЛЯ ТОЧНОСТИ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ
ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА

О. И. НИКИФОРОВА

(Москва)

В проблеме значения речи для восприятия остаются почти не изученными два вопроса: значение речи для восприятия и воспроизведения отдельных сторон сложного объекта (количества его элементов, их цвета и расположения) и особенностей связи между словами и этими элементами. Последний вопрос требует некоторых пояснений. Имеются предметы, название которых мы очень часто употребляем в речевом общении (стол, стул и т. д.). Между зрительным образом таких предметов и словом устанавливается особенно тесная связь. Но в то же время есть целый ряд предметов (некоторые виды редких цветов, птиц, деталей приборов и т. д.), названий которых многие не знают; некоторые детали и вообще не имеют специального названия (например, отдельные детали орнаментов). А. Г. Иванов-Смоленский в статье «О взаимодействии первой и второй сигнальных систем при некоторых физиологических и патологических условиях» («Физиологический журнал АН СССР», № 5, 1949) писал: «Некоторая индивидуально различная часть опыта всегда остается до поры до времени не переданной во вторую сигнальную систему, не поддающейся пока словесному осмыслению и словесной формулировке («инвербализированной»)».

Кроме этих крайних, существует целый ряд промежуточных случаев, особенно ярко представленных у детей, только еще овладевающих языком или изучающих новые для них предметы. Когда связь между образом предмета и его названием еще только устанавливается, она может быть в различной степени рыхлой и неустойчивой. Можно предположить, что во всех описанных случаях роль слова при восприятии предмета и воспроизведении его зрительного образа будет различной.

Вопрос о значении речи для воспроизведения отдельных сторон сложного зрительного образа был изучен Л. В. Владимировой¹, поставившей ряд опытов с учащимися первых классов. Дети этого возраста достаточно владеют внешней речью, но внутренняя речь развита у них еще слабо, поэтому (как показало исследование Л. Назаровой) даже зажимание языка между зубами уже препятствует функционированию их внутренней речи. В обычных же условиях они склонны решать задания вслух.

Первоклассникам предъявлялись композиции из простых геометрических фигур (3, 4, 5, 7 и 9) одного цвета, но различных по форме, с различными пространственными отношениями между ними. После рассматривания каждой композиции детям предлагалось выложить по памяти на листе бумаги точно такую же композицию. Для

¹ Дипломная работа, выполненная на кафедре психологии МГУ.

Quere ul' recobul
e fure d' f' f' f' f'
e e e e e e e e e e
e e e e e e e e e e
e e e e e e e e e e

Populm 1962

АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ

(из наблюдений над авторской правкой текста романа
Л. Н. Толстого «1805 год»)

Н. М. Фортунатов

В литературоведении, так или иначе связанном с вопросами изучения психологии творчества, с давнего времени пробивает себе дорогу простое и ясное требование: исследователь вправе рассуждать о процессе творчества писателя лишь в том случае, если он имеет дело с материалами, непосредственно отражающими этот сложный творческий процесс. Вот почему с таким неизменным вниманием встречалась каждая публикация рукописного наследия Л. Н. Толстого, вот почему невозможно переоценить значение труда текстологов, давших в руки современных исследователей рукописи «Войны и мира».

Но среди этого всеобщего увлечения материалами черновой работы Толстого над «Войной и миром» неожиданно оказался забыт «Русский вестник», где впервые появились в печати (в 1865—1866 гг.) главы «Войны и мира». Вероятнее всего здесь сказалось влияние пространенного предубеждения, по которому печатный текст представляется обычно чем-то неизменным, неизменным.

Нельзя сказать, чтобы этот «общепринятый» взгляд не имел своих оснований, но по отношению к исследователям творческой истории «Войны и мира» он сыграл злую шутку. С 1868 г. можно было уже проанализировать изменения в тексте романа «1805 год», сопоставив его с первым изданием «Войны и мира», однако до сих пор под рукой у исследователей продолжают лежать незамеченными материалы, дающие возможность проникнуть в само течение творческого процесса.

Разумеется, роман «1805 год» — всего лишь один из последних этапов работы Толстого над «Войной и миром», образы его появляются перед читателем уже основательно отшлифованными предшествующей работой над рукописями. Но текст «1805 года» оказался подвергнут столь суровой авторской правке, что его можно считать последним по времени черновым вариантом начала «Войны и мира».

Проанализировать характер этих изменений в короткой статье не представляется возможным: они слишком сложны, чтобы можно было ограничиться поверхностной констатацией фактов. Но среди поправок, внесенных в текст «1805 года», бросается в глаза характернейшая черта: Толстой стремится исключить все, что могло бы вызвать у читателя впечатление сознательных авторских объяснений характеров и поступков героев. Обратит внимание на эту особенность работы

11. Методы генетической рефлексологии.

Н. М. Щелованов.

Начну с отрицательного определения задач и вместе с тем коснусь вопроса о соотношении генетической рефлексологии с психологией детского возраста, которая до сих пор считается наиболее существенной частью педологии. Являясь одной из ветвей субъективной психологии — науки, предметом изучения которой являются процессы сознания, психология детского возраста и в то же время генетическая психология считает своей задачей изучение развития процессов сознания, «психогенезиса» (Прейер) или, как принято говорить еще до сих пор, «душевного развития» (Штерн). Генетическая рефлексология не ставит себе этих целей и не потому, что, определяя свой предмет, она не включает в него тех вопросов, разработкой которых уже занимается исторически ранее установившаяся научная специальность, а потому, что «душевное развитие» или развитие процессов сознания вообще не существуют как предмет науки, каковым может быть лишь та или иная область данных в опыте фактов, для изучения которых может быть применен соответствующий метод, будет ли то простое наблюдение или эксперимент. Предоставим по этому вопросу слово одному из современных представителей психологии детского возраста, В. Штерну. «Душевная жизнь непосредственно дана каждому только в нем самом: что такое представления и ощущения чувства и волевые побуждения, мы непосредственно знаем лишь путем личного переживания и самонаблюдения». Но ведь, когда объектом генетического изучения является ребенок в возрасте с момента рождения, то ни о каком самонаблюдении не может быть и речи. Воспоминания взрослого человека о переживаниях в период детства и показания детей о их переживаниях не могут считаться имеющими какое-либо значение для изучения «психогенезиса» в виду того, что они являются не только недостаточно точными и полными, но и совершенно отсутствуют в отношении первых годов жизни, которые при генетическом изучении имеют наибольшее значение. Таким

15. Опыт экспериментально - рефлексологического изучения ранних дифференцировок сочетательных рефлексов у детей в младенческом возрасте.

Н. Л. Фигурин и М. П. Денисова.

(Автореферат доклада на Всероссийском Съезде по Педологии и Психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 года.)

Настоящий доклад есть предварительное сообщение об экспериментальной работе по изучению дифференцировок сочетательных рефлексов на цвета и формы у детей младенческого возраста, которая производится в Младенческом Отделении Ленинградского Педологического Института мною и д-ром М. Денисовой по предложению и под руководством Заведующего Рефлексологическим Отделом, Н. М. Щелованова.

В отличие от всех прежних психологических работ по вопросу о различении цветов, имевших целью лишь выяснение вопроса о том, начиная с какого возраста и какие цвета различает ребенок, мы интересуемся, главным образом, тем, как возникает самая дифференцировка сочетательных рефлексов на цвета и формы и другие признаки внешних воздействий и при каких условиях дифференцировка осуществляется.

Методика.

Методика, которой мы пользуемся, заключается в следующем. Когда ребенок начинает прикармливаться (обычно с начала седьмого месяца), на рожок, из которого его кормят, мы всегда надеваем деревянный или картонный футляр какой-либо геометрической формы, окрашенный в один из основных цветов, но только не красный, который имеет преимущественное динамогенное воздействие. Для определения наличия или отсутствия дифференцировки форм и цветов ребенку периодически во время кормления демонстрируются, кроме обычного пищевого рожка, совместно с ним или раздельно, другие, непищевые рожки,

Об отношении ведения психической конституции.

Д-р Б. Д. Фридман (Москва).

(Несколько замечаний к изучению наследственности).

Перед психиатром—как клиницистом, а еще более генетиком—стоит необходимость уметь отделять врожденные элементы психики от приобретенных. Ведь, именно, в этом пункте лежит разгадка психической конституции и правильная постановка исследования психических качеств.

Эмпирический подход к решению этого вопроса неизбежно ведет к ошибкам, чреватым еще более ошибочными выводами. Часто оказывается, что качества, принимаемые почему либо за врожденные, на деле оказываются приобретенными: вследствие участия в их образовании бессознательных „механизмов“, они производят впечатление глубоко лежащих психических тенденций, питаемых основными аффективными силами личности. Для иллюстрации укажем на активно-агрессивное поведение, которое на деле является лишь прикрытием противоположной первичной установки—пассивности. Только исключительные жизненные ситуации или личное признание (отнюдь не в условиях обычного клинического исследования) позволяют обнаружить первичную основу личности. Наш пример—это маска, которую некоторые носят сознательно. (Я должен подчеркнуть сознательность в данном случае в противовес другим маскам, которые каждый из нас носит в результате нормального процесса развития характера на базе первичных влечений, вследствие вытеснения их и замены другими). Такое явление сознательности замаскированной пассивно-мазохистической установки противоположной Апфельбах удачно назвал в своей книге „Der Aufbau des Charakters“ псевдосадизмом.

В противоположность сознательной маске, прикрывающей осознанные врожденные тенденции или установки, укажем сейчас на явления, которые имеют значение неосознанной маски, прикрывающей бессознательную тенденцию, т. е. образовавшейся на почве вытеснения последней с заменой ее противоположной. Так, молодой человек со скрытой психической гомосексуальностью питает стремление стать во что бы то ни стало семьянином, иметь жену и детей, стремление, приобретающее для него значение сверхценной идеи, наряду с тем, что он никак не может выбрать себе объекта. И в этом случае можно было бы, по аналогии, говорить о псевдогетеросексуальности.

Однако, насколько выявленное проявление поведения в нормальном характере прикрывает латентные, ¹⁾ бессознательные, тенден-

¹⁾ См. мою статью в журнале им Корсакова, 1926, № 3.

БЮРО ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ
НАРКОМЗДРАВА РСФСР

ОТДЕЛЕНИЕ СЕСТЕР ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА

*

«Педология и педагогика преддошкольного возраста»

В. Ф. ШМИДТ

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ
И
ПЕДАГОГИКА

ЛЕКЦИЯ 3

БЕСПЛАТНО

Цена 25 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЕДИЦИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Лекция третья

РЕФЛЕКСОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

В. Ф. Шмидт

В прошлой лекции мы познакомились с основными положениями рефлексологии. Теперь нам предстоит познакомиться с тем, как происходит развитие ребенка с этой точки зрения, и каков должен быть педагогический подход к нему на основании всего того, что мы узнали.

Развитие головного мозга. Прежде всего посмотрим, что представляет собой нервная система ребенка, особенно его головной мозг.

Спинальный мозг и нервы, т. е. та система, которая называется „дугой рефлекса“ (см. 1 лекц.), уже вполне развиты. И мы знаем, что новорожденный обладает довольно большим запасом врожденных реакций (ответов) на внешние раздражения. Безусловные рефлексы у него действуют вполне нормально. Зато кора головного мозга еще очень слабо развита. Мозг взрослого человека весь покрыт буграми и извилинами (складками), тогда как мозг новорожденного представляет собою довольно гладкую поверхность с небольшим количеством извилин. Проходит много лет, пока детский мозг разовьется и получит такую же, приблизительно, форму, как у взрослого. Это случается к 7—8 годам, не раньше. Вот эту-то естественную недоразвитость коры головного мозга надо всегда иметь в виду при тех или иных суждениях о детях, при выработке педагогического подхода к ним и т. п.

Надо еще отметить, что развитие коры у разных детей происходит по-разному: у одних быстрее, у других медленнее, в зависимости от разных условий.

Дети, с которыми очень много возятся и которых усиленно развивают, будут опережать своих сверстников, наоборот — дети, которым окружающая среда дает очень мало, физически слабые или перенесшие в начале жизни какое-нибудь тяжелое заболевание а также подкинутые дети, пережившие сильное нервное потрясение будут развиваться медленнее. Но это не значит вовсе, что они умственно отстают или вообще ненормально развиваются. Часто бывает, что ребенок, медленно развивающийся вначале, потом обгоняет своих более быстрых сверстников.

Основное, что надо нам всем запомнить, — это то, что развитие мозга идет очень постепенно и что каждому возрасту соответствует определенная степень

Значение клинической диагностической антропометрии для изучения различных типов конституции человека.

Период «анатомического мышления» клеточковой патологии стоял под знаком «формы», наследственно-биологическое учение о конституции стоит под знаком функции; оно изучает функционально-энергетические основы организма; функциональным элементом является здесь наследственная единица—ген. Только учение о конституции дает возможность решить вопрос об индивидуальности, который, по Вирхову, является последней задачей истинного естествознания. Геттингенский хирург К. Т. Бауер справедливо относится с полным отрицанием «ко всему бумажному спору относительно вопроса, что такое конституция»; он требует меньше теоретизировать, а дать больше практической работы.

Период чисто описательной биологии отошел в вечность. Все науки стараются теперь проникнуть в биологические условия процессов развития (*Entwicklungsmechanik*, или, как я считаю более правильным, генетическая биопластика). Ашнер (1922) считает, что, изучая сложение тела (*habitus*) и конституцию с современной точки зрения, мы находимся, повидимому, в начале общего движения, имеющего широкое значение, которое можно назвать возрождением (ренессансом) в медицине.

С понятием о конституции необязательно связано понятие о болезни или о предрасположении; конституция определяется, как «крепкая, слабая, астеническая», а в зависимости от состояния органов внутренней секреции «гипертиреотическая», «гипопинеальная», «гипернитуитарная», «гипогенитальная» и т. д. Представляющий такую конституцию человек может быть или совершенно здоров, являясь лишь известным типом, несколько, однако, не малоценным по сравнению с другими типами, или может представлять «предрасположение», «диспозицию» к той или иной болезни, так наз. диатез.

При таком современном взгляде мы не стремимся найти одну причину болезни, напр., бактерии, и не считаем важным захватить болезнь в самом начале; важнее индивидуальная профилактика, т. е. изучение конституции и предрасположения больного до его заболевания (*prämorbide Persönlichkeit*) с целью определения самой возможности ожидаемой болезни у данного лица (Сименс).

Бругш еще более точно разграничивает понятие о конституции. Как правильно указывают Фрейнд и фон-ден-Фельден, опытному в наблюдении взгляду врача представляется строго обрисованная картина личности, слагающаяся из физических явлений (*habitus'a*), функциональных телесных (комплексия) и душевных проявлений жизни (темперамента). Познание этой картины и ее отношения к возникновению болезней (предрасположения) составляет одну из важнейших задач врача. Способность врача к этому познанию колеблется в широких пределах, зависящих от размеров имеющихся у него положительных анатомических и физиологических сведений о живом организме, и этой опытностью определяется степень его достоинства. При малой степени его знаний она проявляется сначала скорее в виде художественной работы.

Эти слова как нельзя лучше выясняют тот подход к делу изучения пропорций